

**ЕГЭ как конфликтная коммуникация заинтересованных субъектов**

**Борусяк Л.Ф., ГУ-ВШЭ, Москва**

Хотя сдача школьных выпускных экзаменов в форме ЕГЭ в порядке эксперимента появилась около 10 лет назад, особенно острым его восприятие обществом стало весной-летом 2008 года, когда всех школьников обязали сдавать, таким образом, русский язык и литературу. При этом реакция СМИ оказалась чрезвычайно острой и негативной – самоубийства, вызванные слабыми результатами, разрушенные надежды и пр. А уж в 2009 году, когда страна полностью перешла на ЕГЭ, не было ни одного СМИ, практически ни одной семьи, где не обсуждалась бы эта тема.

Негативное отношение к ЕГЭ вызвано рядом обстоятельств: недостатками самих тестовых заданий, многочисленными нарушениями при проведении экзаменов и пр., но дело не только в этом. Выпускные школьные и вступительные вузовские экзамены – эта форма коммуникации между государством, системой образования и семьей (как правило, решение о выборе вуза принимают не только выпускники, но и взрослые члены семьи). В ситуации конкурсного набора, когда не всем желающим доступен некий ресурс – в данном случае диплом государственного вуза, конфликты неизбежны. Традиционная форма экзаменов тоже вызывала немало нареканий: прежде всего, в качестве нарратива выступала коррупция при поступлении в вуз, невозможность получить высшее образование для талантливых, но бедных молодых людей. При этом исходили из посылки, что молодой человек осознанно выбирает себе будущую специальность и мотивирован к учебе. Проблема только в том, чтобы желанный ресурс был доступен именно достойным. Для вуза, исходя из того же нарратива, важно два обстоятельства: во-первых, набор достойных студентов, во-вторых, обогащение преподавателей (коррупция). Эти цели не совместимы, противоположны – поэтому требуется коррекция форм набора. Для государства правильный набор студентов необходим для того, чтобы обеспечить все социальные сферы высокопрофессиональными специалистами. Как мы видим, казалось, что проблемы сконцентрированы на уровне вузов, и если лишить их возможности ради личных целей нарушать нормальную коммуникацию остальных заинтересованных субъектов, то ситуация с образованием улучшится. А для этого надо отменить вступительные экзамены вузы восстановить тем самым нормальную коммуникацию между заинтересованными субъектами.

Именно эту проблему (наряду с большим количеством иных целей, в частности, обнажить ситуацию с качеством школьного образования) должен был решить переход на

систему ЕГЭ. При этом не принимались во внимание очень важные скрытые обстоятельства, которые во многом и стали причиной негативного восприятия этой формы выпуска-набора. Во-первых, для основной части абитуриентов главной целью является поступление в вуз, а не мотивация на обучение в нем. Поэтому выбор вуза лишь в минимальной степени вызван с желанием получить определенную специальность. Поступление – это во многом самоценность, не связанная ни с предшествующим, ни с последующим периодами жизни и обучения. А потому нарушение сложившихся, хотя во многом и коррупционных, типов коммуникации, не может не вызывать конфликтов. Отлаженные механизмы: что и как надо делать, чтобы стать студентом, оказались нарушенными, а ждать отладки новых (тоже коррупционных, но и иных) невозможно – поступать (особенно юношам) надо сразу, в год выпуска. Перенос нагрузки на школу требует формирования адаптационных механизмов, новых типов коммуникации, а их еще нет, либо они неустойчивы.

Для государства массовое поступление «правильных» молодых людей в вузы, на самом деле, важно не только с точки зрения получения на выходе хороших специалистов. Основная часть выпускников (особенно технических, педагогических вузов) по специальности не работает. Важнее то, что молодые люди будут «пристроены», не пополнят ряды безработных и не станут причиной социальных конфликтов. А поскольку сам ЕГЭ превратился в источник конфликтов и напряжений, то и тут коммуникация оказалась нарушенной.

Что касается школы, то существовала «договоренность» между ней и государством, между ней и семьей о том, что все школьники получают свои аттестаты, независимо от качества знаний, порой практически нулевых. В 2008 году более 20% выпускников получили на ЕГЭ двойки по математике, что неприемлемо для данной конвенции. Поэтому в 2009 году пришлось восстанавливать коммуникацию путем резкого снижения требований. В результате практически все «успешно» закончили школу. Это можно считать первым «позитивным» моментом – коммуникация восстанавливается. А для восстановления нормальной коррупционной коммуникации было принято решение о проведении многочисленных вузовских олимпиад, дающих льготное право на поступление в вуз. Другое дело, что это вызвало негативный общественный резонанс и новые коммуникационные конфликты, поскольку еще не установились нормы, как стать победителем такой олимпиады.

Если система ЕГЭ сохранится, то это будет постоянный процесс налаживания коммуникации, с приливами и отливами, решением одних конфликтов и появлением других. В конце концов, очевидно, какая-то система наладится, но она обязательно будет

учитывать не только открытые, но и скрытые установки участвующих в этой коммуникации субъектов. А поэтому ситуация с качеством образования вряд ли улучшится.